

Тянь Ваньсин, вне себя от злости, заорал:

«Вот вернётся мой отец — он забьёт тебя до смерти, неблагодарная тварь!»

Человеку, уже приговорённому, хоть какие угрозы ни бросай — в глазах Тан Тяньцзяо и остальных он выглядел лишь безнадежно глупым.

Впрочем, если говорить начистоту, отец Тянь Ваньсина, плотник Тянь, был личностью незаурядной.

Он славился по всей округе своей нечеловеческой силой. Обычную балку длиной в два чжана четверо мужчин поднимали на верёвках, натужно вздувая жилы на шее, а Тянь-плотник мог один установить столб.

Когда он брался за топор и обтёсывал брёвна толщиной с человеческую талию, то всего за несколько гулких ударов придавал им гладкую округлую форму. И сила, и мастерство у него были безупречны.

К тому же он умел ладить с людьми, но при этом держался с гордостью — куда бы ни пришёл, всегда находились те, кто готов был его перевозносить.

Чаще всего он работал на стороне, нанимаясь в подёнщики, и порой исчезал на полмесяца, так что никто не знал, когда он вернётся.

Зато всякий раз возвращался с мясом в руках и покупками — пёстрыми отрезами ткани. Ещё издали можно было увидеть, как этот упитанный здоровяк идёт с широкой улыбкой, будто на праздник. И тогда в доме Чжан становилось шумно и весело. Тянь Ваньсин считался самым завидным юношей в деревне, а Чжан Мэйлинь — предметом зависти для всех замужних женщин.

Можно сказать, среди мужчин среднего возраста в деревне Тянь он был самым способным и дельным.

И потому Тянь Ваньсин полагал, что стоит ему упомянуть имя отца — и эти тётушки сразу одумаются и встанут на его сторону.

«Эм... Хэ Бянь, может, тебе пока пожить у меня?» - вырвалось у Тан Тяньцзяо после его слов.

Сказав это, она сама на мгновение растерялась: не понимала, почему вдруг предложила это. Неужели её незримо подтолкнул Хэ Бянь?

Остальные, услышав её, только спохватились и пожалели, что сами не додумались до этого раньше, позволив пронырливой Тан Тяньцзяо перехватить инициативу. Они заговорили наперебой, приглашая Хэбяня пожить у них.

И ещё говорили, что об этом деле непременно нужно доложить клану — ни в коем случае нельзя позволить Тянь Ваньсину добиться своего.

Услышав о клане, Хэ Бянь встревожился. Но затем вспомнил, что глава рода в последние дни отсутствует в деревне. У него ещё есть время продолжать постепенно укреплять свою репутацию "духовного посредника". Лишь заручившись доверием и благоговением большинства деревни, он сможет добиться того, чтобы род не встал на сторону семьи Тянь, когда он решит разорвать с ними родственные связи.

В этом мире не существовало прав человека: родители могли продавать своих детей. Если ребёнку было меньше десяти лет — власти не вмешивались; если больше — дело переходило под надзор чиновников. Однако и тогда родителей наказывали за "осквернение предков", возвращая ребёнка в род. По сути, родители лишь управляли этим "имуществом" от имени клана.

Из этого легко понять, насколько велика была власть главы рода.

Хэ Бянь не осмеливался действовать опрометчиво.

А Тянь Ваньсин был так взбешён, что его едва не вырвало кровью — у него уже не оставалось сил на новые выходы.

Хэ Бянь с презрением ответил Тан Тяньцзяо:

«Меня оберегают предки. Неужели я стану бояться этих неблагодарных потомков?»

Услышав отказ, Тан Тяньцзяо и остальные не посмели больше уговаривать.

Она хотела было ещё о чём-то спросить Хэ Бяня, но стоило ему перевести на неё взгляд — твёрдый, ясный и вместе с тем с лёгкой тенью жалости, будто он видел её жизнь насквозь, — как у неё внутри всё похолодело.

Всего лишь встретившись с ним глазами, Тан Тяньцзяо вздрогнула, поспешно опустила голову и больше не решалась смотреть. Но этот взгляд не выходил у неё из головы. Почему он смотрел на неё именно так?

Когда они покидали двор семьи Тянь, у каждого на лице застыло тяжёлое, рассеянное выражение. Тянь Саньян даже чуть не подвернула ногу. Задумавшаяся Тан Тяньцзяо вовремя подхватила её:

«О чём ты думаешь, совсем дороги не видишь? Первые три месяца нужно быть осторожной».

Почувствовав заботу Тан Тяньцзяо, да ещё после того, что они только что пережили вместе, Тянь Саньян невольно ощутила к ней близость.

Раньше она не раз судачила о том, что у Тан Тяньцзяо, вдовы, слишком много всяких историй.

На самом деле они почти не были знакомы. Просто Тянь Саньян родила подряд трёх дочерей, и деревенские всё время сравнивали её с Тан Тяньцзяо, у которой было пятеро-шестеро сыновей.

Так между двумя людьми, никак не связанными, незаметно возникли неприязнь и зависть.

Тянь Саньян, обхватив руками свой небольшой живот, тихо и с тревогой сказала:

«Я вот думаю... надеюсь, я раньше не обижала Хэ Бяня?»

Тан Тяньцзяо, в общем-то, была чиста перед совестью и не боялась тени за собой. Но тут же мысль пронзила её — плохо дело... её Тан Гуй...

Вернувшись домой, она увидела, как Тан Гуй с довольным видом раскладывает на солнце грибы в своей корзине. Всё это были его "трофеи", отобранные у Хэ Бяня.

Часть ещё дали ему его приятели — всякие зелёные пятнистые грибы, чёрные угольные,

разная мелочь, дешёвые и почти ничего не стоящие. Чтобы продать их в городке, пришлось бы идти полдня.

Тан Гуй и сам понимал, что дома их не станут есть, поэтому сушил грибы — когда накопится побольше, можно будет обменять их в городке на соль.

Услышав, что мать вернулась, он обернулся, радостно собираясь похвастаться, как много грибов набрал. Но стоило ему взглянуть на её лицо — и он сразу понял: дело плохо.

«Мама, это Хэ Бянь что-то наговорил?»

Ответом ему стали две тяжёлые пощёчины — Тан Тяньцзяо даже закатала рукава.

«На колени! Возьми табличку своего отца и стой на коленях у ворот!»

Тан Гуй стиснул зубы от злости, ему хотелось выскочить и забить Хэ Бяня до смерти. Но стоило ему поднять глаза — он увидел, что у Тан Тяньцзяо покраснели глаза, а на дне их стояли слёзы.

Тан Гуй перепугался, тут же опустился на колени. Его младший брат лет семи-восьми выбежал во двор, принёс табличку с именем их покойного отца и тоже послушно встал рядом на колени.

Тан Тяньцзяо сказала:

«Хорошенько подумай, что ты натворил. Твой покойный отец всю жизнь был честным и достойным человеком, а теперь из-за тебя даже после смерти ему будут тыкать в спину! В таком возрасте — и уже идёшь по дурной дорожке!»

«Это всё из-за того, что связался с этим хулиганом Ван Саньланом!»

Тан Гуй понял, о чём речь, и, опустив голову, покраснел от стыда. Ему хотелось оправдаться: это друзья подстрекали его — если бы он отказался, Ван Саньлан стал бы презирать его, говорить, что он безотцовщина и трус, и тогда они перестали бы с ним дружить.

А так их семья в деревне наверняка стала бы мишенью для притеснений. Он знал, что его мать гордая и не хочет показывать слабость перед людьми, одна тянет на себе столько детей — он тоже хотел хоть немного разделить её ношу.

Увидев на лице сына раскаяние, Тан Тяньцзяо успокоилась на семь десятых, но оставшаяся тревога и страх всё ещё не отпускали её. Она сказала:

«С этого дня не смей задевать Хэбяня. Когда увидишь его — веди себя так, словно перед тобой предки, с должным почтением».

Не успел Тан Гуй изумлённо спросить "почему", как проходивший мимо крестьянин с мотыгой на плече фыркнул и рассмеялся — мол, чему может научить сына простая женщина? Почитать какого-то мальчишку как предка — да это же перевёрнутый мир! Разве так вырастет настоящий мужчина, опора семьи?

Тан Тяньцзяо ответила ему:

«Дядя Тянь Эр, Хэ Бянь теперь не тот, что раньше. Он может общаться с предками рода Тянь, находится под их покровительством. Он способен призывать их в своё тело — в нашей деревне любое дело он щёлкнет пальцами и высчитает без ошибки».

Тянь Эр-шу посмотрел на яркое солнце над головой — белый день, всё как обычно. И вдруг эта всегда толковая и расторопная Тан Тяньцзяо начала нести какую-то чепуху?

Если Хэ Бянь и вправду под защитой предков, разве семья плотника Тяня могла бы так с ним обращаться?

Как бы ни болтали снаружи, что у Хэ Бяня счастливая судьба и приёмные родители относятся к нему как к родному, он верил только тому, что видел собственными глазами.

Как выглядел Тянь Ваньсин — и как выглядел Хэ Бянь?

Вся грязная и тяжёлая работа в поле доставалась Хэбяню, а всё лучшее — еда, одежда, вещи — уходило Тянь Ваньсину.

Будто они высасывали из Хэ Бяня жизненные силы, чтобы содержать всю свою семью.

Да и без того видно было — Хэ Бяню доставало совсем немного, чтобы превратиться в ходячий скелет, тогда как Тянь Ваньсин и его родители были белыми да упитанными.

Если бы Хэ Бянь и вправду находился под покровительством предков, семья плотника Тяня давно бы уже получила возмездие.

«Да ты, похоже, от усталости совсем занемогла» - продолжал Тянь Эр-шу. «Сама подумай, как ты, женщина, можешь тянуть столько сыновей? Тебе же предлагали снова выйти замуж за кого-нибудь из рода — ты сама отказалась».

«У вас ведь двадцать му земли, а мужика, чтобы пахать, нет — земля зарастает, смотреть больно. Посмотри на других женщин в деревне — разве кто-то так надрывается, как ты? Найдёшь себе мужчину — станет куда легче»

Он говорил с видом искренней заботы и беспомощности — со стороны казалось, будто старший в роду искренне печётся о Тан Тяньцзяо.

Но для неё и для Тан Гуя эти слова звучали как колючки. Если бы не то, что Тан Тяньцзяо удерживала сына, тот бы уже сорвался и наговорил грубостей.

Видя, что ей не верят, Тан Тяньцзяо не стала больше объяснять.

Она лишь продолжила отчитывать Тан Гуя.

Те, кто не верит, рано или поздно сами поплатятся.

Тем временем Чжан Саньян, вернувшись домой, пересказала свекрови всё, что произошло во дворе семьи Тянь.

В ответ она получила лишь поток насмешек и брани.

Её свекровь, старая У, покосившись, набросилась на неё с руганью:

«С твоим-то чревом, что ни родишь — всё девки! Да какая ты, растратчица, способна сына родить?! Всё это ты выдумала, лишь бы выманить у меня пару медяков на коричневый сахар да яйца — ленивая, жадная! Раньше старший сын тебя баловал, вот ты и распоясалась, совсем страх потеряла! Теперь ещё и выдумки какие-то несёшь, думаешь, старая я уже, глаза затуманились, меня легко обмануть?!»

Случившееся во дворе семьи Тянь в конце концов разошлось по всей деревне.

Как бы ни рассказывали Тан Тяньцзяо и Чжан Саньян, люди в основном считали это пустыми выдумками.

Но рассказы их были такими подробными и убедительными, да к тому же в семье второй тётушки Чжан действительно случилась беда — и потому кое-кто в деревне начал сомневаться и понемногу верить.

Когда люди разошлись, во дворе семьи Тянь осталась лишь густая, зловонная вонь.

Тянь Ваньсин, глядя на то, что было на его матери, едва сдерживал рвоту. Чжан Мэйлинь хотела было умыться, но Хэ Бянь держал в руках кухонный нож, и ни мать, ни сын не осмеливались его провоцировать.

Они всё ещё не отошли от пережитого — в голове стоял туман, а в душе жила робость.

Как Хэ Бянь мог вдруг так измениться, словно стал другим человеком?

Хотелось ругаться, но они боялись, что он внезапно взбесится и пойдёт с ножом.

Стояли, как перепуганные перепёлки, не смея пошевелиться.

Однако Хэ Бянь на них не обращал внимания. Подумав, он зашёл в комнату Чжан Мэйлинь и начал рыться в сундуках и ящиках.

Слушая шум из комнаты, Тянь Ваньсин закипал от злости — кто он такой, этот Хэ Бянь, чтобы среди бела дня врваться в комнату его матери и рыться в вещах!

Но, вспомнив о ноже в его руке, он лишь стиснул зубы и проглотил слова.

Хэ Бянь вытащил из ящика письменный набор — кисть, тушь, бумагу и тушечницу. Это принадлежало плотнику Тяню, он использовал их для чертежей. Бумага была самой дешёвой — грубой бамбуковой.

Разложив её, Хэ Бянь взял кисть. Его движения были непривычны, неловки — он даже провёл кистью в воздухе, словно примеряясь.

Затем, повысив голос, крикнул во двор:

— Тянь Ваньсин, иди сюда — будешь растирать тушь!

Тянь Ваньсин от окрика вздрогнул. Когда это Хэ Бянь позволял себе так на него орать? Да ещё с таким видом, будто распоряжается им! Кто дал ему такую смелость? Вот и показал свою истинную натуру — перестал притворяться! Недаром говорили: Хэ Бянь с рождения испорченный, неблагодарный волчонок, которого не перевоспитать!

Тянь Ваньсин не подошёл и лишь злобно уставился на него. Лицо Хэ Бяня оставалось холодным — не говоря ни слова, он поднял нож и чуть качнул им в его сторону. Лезвие сверкнуло холодным светом.

И тут Тянь Ваньсин уже не посмел даже поднять глаза.

Скрепя сердце он подошёл растирать тушь. Рядом Чжан Мэйлинь не сводила с Хэ Бяня глаз —

её лицо менялось снова и снова. Неужели в него и вправду вселился предок? Может, тот, кто стоит сейчас перед ними, — вовсе не Хэ Бянь, а сам дух предков? Иначе откуда бы у него умение читать и писать?

Но стоило ей увидеть, как он сжимает кисть — кулаком, неловко и чуждо, как долго не решается коснуться бумаги, а потом, стиснув зубы, начинает выводить на ней один круг за другим... С нажимом он чуть ли не протыкал грубую бамбуковую бумагу.

Вот тут-то всё и стало ясно.

Какие там предсказания...

Чистое притворство и дурачество.

Но даже так Чжан Мэйлинь не осмелилась действовать опрометчиво.

Теперь ни она, ни сын не решались даже выйти за ворота.

Если дело дойдёт до рода, их семья станет ещё большим посмешищем. И без того уже ходят разговоры — один скандал за другим, позор на весь клан, а они ещё и честного человека пытаются оболгать.

А если всё пойдёт совсем плохо, старейшины могут наказать их — заставят стоять на коленях в родовом храме, да ещё и по правилам рода взыщут.

Нет, сейчас нарываться на беду Чжан Мэйлинь не собиралась.

Тянь Ваньсин тоже, глядя на каракули Хэ Бяня, — где нарисованные человечки занимали чуть ли не пол-листа, — окончательно перестал его бояться. Одни только жалкие "чёртовы письма", смотреть противно. В душе у него осталась лишь презрительная насмешка.

И правда — Хэ Бянь не умел ни читать, ни писать и впервые держал кисть. Даже тушь растирать толком не умел. Просто раньше видел издали, как плотник Тянь учит Тянь Ваньсина писать и готовит тушь, — вот и пытался теперь повторить всё по памяти.

Он хотел записать события своей прошлой жизни.

Даже не умея писать, он собирался оставить хотя бы знаки.

Сын Тан Тяньцзяо, Тан Гуй, в семнадцать лет, одним летом, вступился за друга и погиб в уличной драке в городке. Тан Тяньцзяо проплакала глаза до слепоты.

Младшую дочь Тянь Саньня вскоре тайком продаст её свекровь — продаст торговцам людьми. У беременной Тянь Саньня будет кровотечение и умрёт от тоски. А после смерти свекровь во что бы то ни стало захочет узнать, мальчик был у неё в утробе или девочка — и, узнав, что это был мальчик, зальётся рыданиями, будто потеряла родителей, раскаиваясь до безумия.

Но самое важное — его приёмный отец, плотник Тянь...

Хэ Бянь нарисовал круг — голову, под ним две палочки — ноги, а рядом с одной из них — ещё одну палочку с топором: так он изобразил плотника Тяня.

Он почесал затылок, нахмурился, подумал — и рядом дорисовал ещё одного человечка, с длинными волосами на голове.

Ему самому казалось, что рисунок вышел непохожим, но это не имело значения. От одной мысли об этом у него внутри поднималось тёмное, довольное чувство — забыть такое он не сможет.

Дальше были Тянь Эр-шу, семья Тянь Сань-шу... дом главы рода...

А ещё — события при дворе: один сановник, чью семью сослали и продали именно в их уезде... а затем этот сановник был оправдан...

Хэ Бянь немного подумал и всё же сделал лишь грубые пометки — такие возможности ему всё равно не по силам будет использовать.

Куда важнее разобраться с тем, что происходит сейчас.

Он с полной сосредоточенностью перебирал в памяти события прошлой жизни, прикидывая, какие знаки оставить, чтобы самому потом их понять. Лицо его было серьёзным и погружённым в мысли.

<http://bllate.org/book/17226/1612953>